

Россія и Западъ

I.

Безоговорочное и непримиримое противопоставленіе Россіи Западу, Запада Россіи есть ядро идейнаго комплекса, любопытнаго прежде всего тѣмъ, что его создали и дружно развивали ни въ чемъ другомъ не согласные между собой умы: исключительные приверженцы всего русскаго въ Россіи и фанатическіе поклонники Запада на Западѣ. Первымъ принадлежитъ то преимущество надъ вторыми, что ихъ воззрѣнія, даже самой крайностью своей, содѣйствовали осознанію національных особенностей Россіи, тогда какъ европейскій Западъ самъ представляетъ собой сложное сочетаніе національных культуръ, по отношенію къ которымъ положительная работа такого рода давно уже была исполнена. Однако, при всей неравноцѣнности теорій, основная ошибка и тѣхъ, и другихъ теоретиковъ одна: ихъ представленію о Европѣ не хватаетъ широты и гибкости. И тѣ, и другіе стремятся возвеличить «свое» путемъ умаленія «чужого», не понимая относительности различія между своимъ и чужимъ, и само стремленіе это приноситъ имъ заслуженную кару, неизбѣжно приводя къ суженію своего, которому начинаетъ отовсюду угрожать ихъ же собственными усилиями раздутое, разросшееся чужое. Ревнивые европейцы окапываются за Рейномъ и Дунаемъ, а наши собственные самобытники отступаютъ отъ Невы къ Москвѣ-рѣкѣ, покуда и Москва не показала имъ еще недостаточно восточной.

Это понятіе Востока, примѣняемое къ Россіи (а то и къ славянской или православной Европѣ вообще), самой расплывчатостью и перемѣнчивостью своей указываетъ на полемическое свое происхожденіе. Что такое «Западъ», т. е. западная Европа, это болѣе или менѣе ясно всякому, но что такое Востокъ, гораздо менѣе ясно; это понятіе конструируютъ какъ угодно, съ тѣмъ только, чтобы оно возможно рѣзче противопоставлялось все равно положительно или отрицательно оцѣниваемому Западу. Въ сколько-нибудь послѣдовательной системѣ культурно-историческихъ понятій европейскій Западъ

долженъ противоположаться такому же европейскому Востоку, а затѣмъ оба они, въ качествѣ Европы, — азиатскому Востоку, ближнему или дальнему. Православіе можно называть восточнымъ христіанствомъ, но его нельзя назвать христіанствомъ азиатскимъ. Русскую культуру можно называть восточно-европейской, но она родилась и развилась въ Европѣ, а не въ Азіи. Понятіе Евразіи по отношенію къ Россіи географически столь же оправдано, какъ понятіе Еврафрики по отношенію къ Испаніи, но ни о евразійской, ни о еврафриканской культурѣ говорить нельзя, а можно говорить лишь о національныхъ культурахъ русской и испанской, въ которыхъ черты занесенныя съ востока сыграли большую роль, чѣмъ въ національныхъ культурахъ другихъ европейскихъ странъ. Всѣ эти простыя истины забывались бы менѣе легко, если бы сравнительно отчетливья понятія Азіи, или ближняго востока, или магометанскаго міра, не замѣнялись постоянно всезначущимъ словомъ Востокъ, безпрепятственно дающимъ себя использовать любой идеологіи. Стоитъ это слово произнести, чтобы все европейское, но не относящееся къ Западной Европѣ, немедленно превратилось въ нѣчто отнюдь не европейское уже, а иное, враждебное, «восточное». Эта магическая операція удавалась безчисленное количество разъ въ минувшемъ вѣкѣ, да и сейчасъ не лишилась способности затмевать какъ западные, такъ и русскіе умы. Ей мы обязаны тѣмъ невѣрнымъ, идущимъ въ равной мѣрѣ отъ Чаадаева и первыхъ славянофиловъ истолкованіемъ допетровской Руси, которое противопоставляетъ ее Европѣ уже тѣмъ самымъ, что выводить ее изъ византійской традиціи.

Византія не Азія; она, какъ и западный міръ, вырастаетъ изъ античной и христіанской основъ европейской культуры. Вполнѣ законно ее Западу противоположать, но лишь въ качествѣ е в р о п е й с к а г о Востока. Востокъ и Западъ единой Европы не два инородныхъ (хотя бы и находившихся въ общеніи другъ съ другомъ) міра, а двѣ половины одной и той же культуры, основанной на христіанствѣ и античности. Ихъ потому и плодотворно другъ съ другомъ сравнивать, другъ другу противопоставлять, что они внутренне объединены великимъ духовнымъ наслѣдіемъ, воспринятымъ по разному, но отъ этого не утратившимъ единства. Вотъ почему византійское влияніе на Западъ или позже западное влияніе на воспитанный Византіей міръ не можетъ быть сравниваемо съ такими явленіями, какъ китайское христіанство или воспріятіе арабами греческой философіи и науки. Если византійская имперія была географически въ значительной мѣрѣ имперіей азиатской, то вѣдь и дреа-

не-греческая культура цвѣла въ малоазіатскихъ городахъ, и христіанство родилось не въ Афинахъ и не въ Римѣ, и крупнѣйшаго изъ отцовъ западной церкви бл. Августина лишь историкъ причислитъ къ Европѣ, а географъ оставитъ въ Африкѣ. Историческое понятіе Европы съ географическимъ не совпадаетъ: историческая Европа родилась три тысячи лѣтъ тому назадъ на крайнемъ востокѣ средиземноморскаго бассейна, а сѣверная часть европейскаго материка не многимъ больше (а то и меньше) тысячи лѣтъ вообще живетъ историческою жизнью. Въ византійской культурѣ несомнѣнно есть больше подлинно восточныхъ или азіатскихъ элементовъ, чѣмъ въ культурѣ западнаго средневѣковья, однако, и въ ней эти элементы находятся не въ центрѣ, а на периферіи; ихъ больше на окраинахъ, чѣмъ въ столицѣ, и въ проявленіяхъ второстепенныхъ, чѣмъ въ жизненныхъ и существенныхъ. Очень хорошо это видно на примѣрѣ художественнаго творчества, гдѣ константинопольская традиція сохраняетъ наибольшую вѣрность греческо-христіанской его основѣ и гдѣ позднія восточныя (особенно персидскія) вліянія, свободно проникающія въ область орнаментально-декоративную, задерживаются на порогѣ большой архитектуры и церковнаго изобразительнаго искусства. Правда, въ самомъ образованіи византійскаго художественнаго стиля восточные элементы сыграли, какъ извѣстно, значительную роль, но творческая работа, приведшая къ созданію его, въ томъ и заключалась, что эти элементы были поставлены въ новую связь и по новому оформлены эллинскимъ ритмическимъ чувствомъ и христіанской волей къ одухотворенію тѣлеснаго.

Византійская культура была прежде всего культурой греко-христіанской и только въ этомъ своемъ качествѣ она могла стать воспитательницей еще лишенныхъ высокой культуры народовъ восточной Европы. Въ составѣ огромнаго дара, полученнаго или унаслѣдованнаго отъ нея, могли быть и специфически-восточныя черты, однако, въ большинствѣ преобразованія эллинизмомъ и христіанствомъ, и во всякомъ случаѣ не опредѣляющія его абсолютной цѣнности и историческаго значенія. Воспитанная Византіей древняя Русь не могла быть воспитаніемъ этимъ отрѣзана отъ Европы, такъ какъ воспитаніе состояло прежде всего въ передачѣ ей греко-христіанской традиціи; она могла быть только отрѣзана отъ Запада въ силу того, что византійское христіанство отличалось отъ западнаго христіанства и воспринятая сквозъ Византію античность — отъ античности, воспринятой Западомъ сквозъ Римъ. Правда, еще до татарскаго нашествія Россія была открыта вліяніямъ, шед-

шимъ непосредственно изъ восточныхъ частей византійской имперіи, съ Кавказа и изъ Закавказья черезъ Трапезундъ; это привело, однако, лишь къ эпизодическимъ заимствованіямъ, какихъ было сколько угодно и въ западной Европѣ. Какъ все больше выясняется, нѣкоторые орнаментальные и архитектурные мотивы пропутешествовали частью морскимъ путемъ, частью же, вѣроятно, и сухопутнымъ, черезъ Россію, на крайній Западъ. Ничто такъ не похоже на армянскіе украшенные рѣзбой кресты, какъ такіе же кресты Ирландіи, и такого же рода странствіемъ съ востока на западъ, спустя нѣсколько вѣковъ, можно объяснить наличие сходныхъ декоративныхъ принциповъ въ скульптурномъ украшеній суздальскихъ церквей и нѣкоторыхъ памятниковъ Кавказа, южной Германіи и Франціи. Это движеніе формъ не имѣетъ къ тому же ничего общаго съ византійской традиціей, какъ цѣлымъ. Традиція эта, въ области искусства, какъ и въ другихъ областяхъ, противопоставила Россію, вмѣстѣ съ остальнымъ православіемъ міромъ, Западу, но не только не овосточнила, не объазіатила ее, а напротивъ опредѣлила ей на вѣка впередъ быть ничѣмъ инымъ какъ именно Европой.

Церковно-славянскій языкъ, воспитавшій русскій и, въ концѣ концовъ, слившійся съ нимъ въ новомъ русскомъ литературномъ языкѣ, въ своемъ культурномъ словарѣ, словообразованіи, синтаксисѣ, стилистическихъ возможностяхъ есть точный сколокъ съ греческаго языка, въ отношеніи внутренней формы (хотя, конечно, не происхожденія) гораздо болѣе близкій къ нему, чѣмъ романскіе языки къ латинскому. Проповѣди Кирилла Туровскаго по своей музыкальности, по своему утонченному ритмико-синтаксическому складу ближе стоятъ къ греческимъ образцамъ, чѣмъ даже латинскія писанія его западныхъ современниковъ къ высокимъ образцамъ латинской прозы. Икона Рублева ближе къ греческому пониманію полноты формы, мелодичности линіи и насыщенности ритма, чѣмъ искусство Мазаччіо или Фра Беато, его современниковъ въ Италіи. Благочестіе, благолѣпіе, благоговѣніе, благообразіе, чистосердечіе, милосердіе, цѣломудріе, умиленіе, — все это не только по-гречески сложенные слова, но и по-гречески воспринятые образы жизни и мысли, ставшіе сперва церковно, а потомъ и народно русскими, какъ о томъ свидѣтельствуетъ старецъ изъ «Подрустка», знающій единое осужденіе: «Благообразія не имѣютъ» и наставляющій близкихъ къ блаженному и благолѣпному житію. «Православіе, — сказалъ Розановъ, — въ высшей степени отвѣчаетъ гармоническому духу, но въ высшей стеле-

ни не отвѣчаетъ потревоженному духу», если же когда-нибудь была культура гармоническаго духа, то это — греческая культура, и если это греческое христіанство, проникающее всю древне-русскую духовную жизнь, называть «Востокомъ» или Азіей, то неизвѣстно, что же еще будетъ позволено называть Европой.

Опираясь на фактъ византійской преемственности, можно подчеркивать особенность русской культуры по отношенію къ Западу, но только утверждая ея принадлежность къ общей христіанско-европейской культурѣ, наслѣдницѣ классической древности. Поэтому новѣйшіе послѣдователи славянофильской традиціи опираются уже не на зрѣлыя факты, а на факты, свидѣтельствующіе въ ихъ глазахъ о связяхъ древней Руси не съ Византіей или неопредѣленнымъ «Востокомъ», а непосредственно съ тюрко-татарской или монгольской Азіей. Факты эти распадаются на двѣ категоріи: одни предшествуютъ отпочкованію древне-русской культуры отъ культуры византійской (и могутъ касаться поэтому лишь географическихъ, этническихъ и фольклористическихъ предпосылокъ русскаго культурнаго развитія), другіе относятся къ вѣкамъ, когда эта византійско-русская культура уже существуетъ и живетъ историческою жизнью (такъ что слѣдуетъ рассмотреть, не образуютъ ли они всего лишь совокупность ея наносныхъ, виѣшнихъ и заимствованныхъ чертъ). О той, и о другой категоріи фактовъ можно сказать, что евразійскія наблюденія, относящіяся къ нимъ, вѣрны, но что выводы, дѣлаемые изъ этихъ наблюденій, неправильны. Евразія, какъ «мѣсторазвитіе» — плодотворная формула, многое объясняющая въ русской исторіи, при условіи не считать мѣсторазвитіе предопредѣленнымъ и не создавать такимъ образомъ новой разновидности географическаго детерминизма. Точно также наблюденія, касающіяся этническаго состава русскаго народа или извѣстныхъ чертъ русскаго языка, народной музыки и народной орнаментики, позволяющихъ сближеніе съ аналогичными чертами азіатскихъ народовъ, сами по себѣ цѣнны, но должны быть истолкованы, какъ относящіяся къ матеріалу, изъ котораго строится культура, или къ почвѣ, на которой она строится, а не къ самой культурѣ. Русскій языкъ, какъ этническое явленіе, обнаруживаетъ нѣкоторыя черты сходства съ тюрко-татарскими языками, но русскій языкъ, какъ явленіе національной культуры, т. е. русскій литературный языкъ, сложился не подъ татарскимъ, а подъ греческимъ влияніемъ, къ которому прибавилось впослѣдствіи влияніе западно-европейскихъ языковъ. Въ высокихъ памятникахъ искусства,

литературы, религіозной жизни древней Руси столь же мало азіатскаго, какъ и въ культурѣ послѣ-петровской Россіи. Что же касается отдѣльныхъ элементовъ, перенятыхъ у татаръ послѣ татарскаго нашествія или заимствованныхъ Москвою у Персіи, Индіи или Китая, то они конечно сыграли свою роль, подобно тому какъ арабскія вліянія сыграли еще гораздо большую роль въ испанской культурѣ, но греческое христіанство, Византію, а слѣдовательно Европу, они изъ Россіи не вытравили, точно такъ же, какъ и мавры не сумѣли превратить Испанію въ неевропейскую страну.

Позитивистическія или натуралистическія предпосылки евраіизма сказываются въ стремленіи цѣликомъ выводить культуру изъ данныхъ географіи и этнологіи, забывая о томъ, что духовная преемственность можетъ оказаться сильнѣй и тѣхъ, и другихъ, а также въ пониманіи національной культуры, какъ нѣкоего непосредственнаго выдѣленія народа, тогда какъ она можетъ содержать не только не народныя по своему происхожденію, но и противонародныя черты. Стать на такую точку зрѣнія значитъ отказать признавать венгровъ европейскимъ народомъ или видѣть, что эллинизмъ Гете или Гельдерлина столь же подлинно, какъ ихъ германство, что западность и русскость Пушкина — одно; это значитъ въ конечномъ счетѣ утверждать, что христіанами могутъ быть только евреи или что въ средневѣковой Франціи цвѣла французская, но не христіанская культура. Вѣрно въ этихъ воззрѣніяхъ лишь то, что духовная преемственность протекаетъ не въ царствѣ духа, а въ условіяхъ историческаго существованія, вслѣдствіе чего христіанство, античность, византіизмъ и все вообще, что распространяется и передается, мѣняетъ свой обликъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, окрашивается по новому въ новой этнической средѣ. Для того, кто хочетъ опредѣлить степень «восточности» древней Руси и степень ея принадлежности Европѣ, открыть только одинъ путь: провѣрить, въ какіе именно тона окрашивается она византійскую культуру, какимъ образомъ дѣлаетъ она ее русской, тѣмъ самымъ видоизмѣняя, перетолковывая ее на новый ладъ. Если бы историки согласились правильно поставить вопросъ, а именно спросить себя, была ли древняя Русь такъ сказать западнѣй или восточнѣй Византіи, они давно нашли бы и правильный отвѣтъ, который избавилъ бы ихъ отъ лишнихъ споровъ и недоразумѣній.

До-петровская русская культура была западнѣе византійской, и потому дѣло Петра было лишь законнымъ завершеніемъ того круга, прошедшаго сквозь четырнадцать вѣковъ

исторического пути, который начался основаніемъ Константинополя и кончился основаніемъ Петербурга. Религіозная, государственная, правовая жизнь древней Руси, при всѣхъ отличіяхъ отъ Запада, была все же ближе къ нему, чѣмъ соотвѣтственные области византійской культуры. Св. Сергій Радонежскій въ концѣ концовъ даже и болѣе похожъ на св. Франциска, чѣмъ на любого византійскаго подвижника. Русскій расколъ, несмотря на всѣ тѣ черты, что такъ глубоко отличаютъ его отъ западной Реформаціи, все же внутренне ближе къ ней, чѣмъ любое религіозное движеніе въ византійскомъ мірѣ. Государственный и правовой бытъ удѣльнаго періода во всякомъ случаѣ менѣе похожъ на Византію, чѣмъ на Западъ, а византійская идеологія Москвы весьма сильно отличалась отъ московской дѣйствительности. Тамъ, гдѣ великое воспитательное дѣло Византіи завершилось полной ассимиляціей и самостоятельнымъ творчествомъ, т. е. прежде всего въ области искусства, мы видимъ, что русскіе мастера отходятъ отъ византійскихъ образцовъ какъ разъ въ направленіи западномъ, а вовсе не восточномъ. Дѣло тутъ притомъ совсѣмъ не въ заимствованіяхъ, которыя случайны и рѣдки. Новгородская орнаментика связана со скандинавской не подражаніемъ, а внутреннимъ родствомъ, и стилистическіе принципы ея проникаютъ также и въ новгородскую икону. Деревянное зодчество русскаго сѣвера опять-таки родственно скандинавскому и склонно къ рѣшительному вертикализму, который въ XVI-омъ вѣкѣ находитъ свое выраженіе въ шатровыхъ храмахъ, окончательно порвавшихъ съ византійской традиціей и направленныхъ скорѣй къ созданію нѣкоей русской готики, совершенно независимой отъ западной, рѣзко отъ нея отличной, да ничего и не знающей о ней, однако болѣе близкой къ основнымъ устремленіямъ ея, чѣмъ къ древнимъ религіозно-эстетическимъ принципамъ византійской архитектуры. Въ искусствѣ искони выражались всего яснѣй неосознанныя, но глубокія потребности, чаянія, стремленія духовной жизни. До-петровское русское искусство, прежде всего орнаментъ и архитектура, менѣе чѣмъ иконопись связанные церковнымъ послушаніемъ, — неопровержимое свидѣтельство не только европейскости Россіи (въ ея пользу говорить уже сама византійская преемственность), но и ея поворота къ Западу, не придуманнаго, а отгаданнаго и такъ свирѣпо, судорожно, но и безповоротно завершеннаго Петромъ.

2.

Древняя Русь, уже въ силу византійскаго воспитанія своего, была Европой, т. е. обладала основными предпосылками европейскаго культурнаго развитія; однако рѣзкая обособленность ея, особенно въ московскій періодъ, могла привести подконечъ и къ полному отъединенію европейскаго востока отъ запада: Россія могла выпасть изъ Европы. Этого тѣмъ не менѣе не случилось даже и за пять вѣковъ отъ татарскаго нашествія до Петра, потому что препятствовали этому не только сохранившіяся, хотя и слабыя, связи съ западнымъ міромъ, но и еще больше тѣ западныя сравнительно съ Византіей черты, что проявились въ духовномъ обиходѣ и культурномъ творествѣ московской Руси. Опасность была окончательно устранена Петромъ: Константинъ раздвоилъ, Петръ возстановилъ европейское единство. Удача, по крайней мѣрѣ въ планѣ культуры, совершеннаго имъ всемірно-историческаго дѣла засвидѣтельствована всѣмъ, что было создано Россіей за два вѣка петербургской ея исторіи. Судить о націи нужно, какъ о личности, не столько по корнямъ ея, сколько по ея плодамъ; у насъ слишкомъ часто судили о Россіи не по тому, чѣмъ она стала, а по тому, чѣмъ якобы обѣщала стать. Даже если бы древне-русская культура не была частью европейской, а соответствовала во всемъ славянофильскимъ или евразійскимъ представленіямъ о ней, новой русской культуры было бы вполне достаточно, чтобы доказать предначертанность для Россіи не какого-нибудь иного, а именно европейскаго пути. Если бы Петръ былъ японскимъ микадо или императоромъ ацтековъ, на его землѣ завелись бы со временемъ авіаціонныя парки и сталелитейныя заводы, но Пушкина она бы не родила.

Воссоединеніе съ Западомъ было дѣломъ отнюдь не легкимъ и не безопаснымъ. Славянофилы это поняли и тутъ ихъ было бы не въ чемъ упрекнуть, если бы ихъ истолкованіе опасности не было основано на той же ошибкѣ, какую постоянно совершали западники и которая больше всего помѣшала плодотворному развитію знаменитаго идеологическаго спора. Ошибка заключается въ противопоставленіи другъ другу Запада и Россіи, какъ чужого и своего, какъ двухъ величинъ ничѣмъ органически одна съ другой не связанныхъ. Западники предпочитаютъ чужое и хотятъ его поставить на мѣсто своего; славянофилы предпочитаютъ свое и хотятъ очистить и отмежевать его отъ всего чужого. Для западника его любимый Западъ — всего

лишь носитель нѣкоей безличной цивилизаціи, которую можно и должно пересадить въ полудикую Россію, точно такъ же, какъ послѣ открытія междупланетныхъ сообщеній ее можно и должно будетъ пересадить и на луноу. Для славянофила, болѣе подготовленнаго къ воспріятію органическихъ культурныхъ единствъ, такимъ единствомъ представляется Россія, или православіе, или славянскій міръ, но на Европу онъ эту концепцію не распространяетъ, а въ Западѣ видитъ или иное, враждебное восточному культурное единство или чаще, какъ западникъ, безличную совокупность пріятностей и полезностей, которую онъ склоненъ однако не благословлять, а проклинать... Ни тотъ, ни другой не видятъ той общей укорененности Россіи и Запада въ европейскомъ единствѣ, которое только и дѣлаетъ тѣсное общеніе между ними плодотворнымъ и желательнымъ. Оба противника разсуждаютъ недостаточно исторически, слишкомъ отвлеченно, какъ будто воссоединеніе съ Западомъ Россіи, христіанской и воспитанной Византійей страны, а значить страны европейской, не въ географическомъ только, но въ культурномъ смыслѣ, могло и въ самомъ дѣлѣ быть чѣмъ-то подобнымъ европеизаціи Японіи или Китая, т. е. столкновенію двухъ чуждыхъ другъ другу культуръ, могущему кончиться либо полнымъ истребленіемъ одной изъ нихъ, либо превращеніемъ обѣихъ въ такую механическую смѣсь, которую уже нельзя назвать культурой.

Въ дѣйствительности происходило конечно совѣмъ другое. Воссоединиться съ Западомъ значило для Россіи найти свое мѣсто въ Европѣ и тѣмъ самымъ найти себя. Русской культурѣ предстояло не потерять свою индивидуальность, а впервые ее цѣлостно приобрести, — какъ часть другой индивидуальности. Европа есть многонаціональное единство, неполное безъ Россіи; Россія есть европейская нація, incapable внѣ Европы достигнуть полноты національнаго бытія. Европеизація неевропейскихъ культурныхъ міровъ — дѣло въ извѣстномъ смыслѣ безпрятственное, но и безнадежное; сближеніе Россіи съ Западомъ было дѣломъ труднымъ, но и плодотворнымъ. Трудность его объясняется долгимъ отчужденіемъ между ними и зависитъ отъ постоянной возможности преувеличеній и односторонностей, вродѣ галломаніи конца XVIII-го вѣка, гегельянства сороковыхъ годовъ или пѣнкоснимательства и западническаго чванства, никогда не исчезавшихъ изъ русской дѣйствительности. Опасность денационализаціи Россіи была реальна и тѣ, кто съ ней боролись, были тѣмъ болѣе правы, что лишенная національнаго своеобразія страна тѣмъ самымъ лишилась

бы и своего мѣста въ европейской культурѣ. Опасность эта проявилась съ самаго начала, благодаря излишне рѣзкому и насильственному характеру петровской реформы, но очень рано сказался и тотъ національный творческій подъемъ, который ею же былъ вызванъ. Русская рѣчь при Петрѣ была надломлена и засорена, однако изъ нея очень скоро выработался тотъ общій литературный языкъ, котораго такъ не хватало до-петровской Россіи. Русскій стихъ еще до Петра принялъ подъ западнымъ влияніемъ несвойственную ему структуру, но усилія Третьяковскаго и Ломоносова не то чтобы вернули его на старыи путь, а впервые поставили его на твердую почву и обезпечили его дальнѣйшее развитіе. Въ судьбѣ русскаго стихосложенія особенно ясно выразилась судьба русской культуры. Старый путь былъ узокъ и къ созданію большой національной (а не народной только) поэзіи привести не могъ; первый натискъ Запада, положившій ему конецъ, былъ хаотиченъ и случаенъ, какъ и многое другое въ петровской реформѣ и въ заимствованіяхъ, ей предшествовавшихъ; но болѣе серьезное ознакомленіе не съ ближнимъ Западомъ только, а съ совокупностью западно-европейскихъ національныхъ культуръ припело одновременно къ осознанію національной особенности русскаго стихосложенія и къ занятію имъ опредѣленнаго мѣста среди національныхъ стихосложеній Европы. Русскій стихъ оказался близокъ не къ польскому (или французскому), а къ нѣмецкому и англійскому, хотя и съ ними не во всемъ совпалъ. Тотъ, кто въ свѣтѣ этого примѣра взглянетъ на русскую исторію, уже не согласится ни съ славянофиломъ, готовымъ въ нѣкоторомъ родѣ довольствоваться народнымъ тоническимъ стихомъ, ни съ западникомъ, уху котораго стихъ Кантемира долженъ казаться болѣе радикально-«европейскимъ» и значить «передовымъ», нежели стихъ Пушкина.

Утверждаясь въ Европѣ, Россія утверждалась и въ себѣ. Современникамъ Екатерины это было такъ ясно, что споры, связанные съ этимъ, касались лишь частныхъ, а не существа дѣла; и почти столь же ясно это было современникамъ Александра I. Славянофильство и западничество возникли характернымъ образомъ лишь послѣ того, какъ были осознаны или хотя бы почувствованы нѣкоторыя перемѣны, произошедшія въ самой западной культурѣ: только исходя изъ нихъ и можно понять настоящій смыслъ обѣихъ доктринъ, то, что внутренне раздѣляло ихъ, хотя и заглушевывалось нерѣдко въ узаконенныхъ формулахъ ихъ полемики. Перемѣны, о которыхъ идетъ рѣчь, сводятся къ намѣтившемуся на рубежѣ новаго вѣка медленному пре-

вращенію старой семьи органически выросших и жизненно сросшихся между собой національных культуръ въ интернаціональную научно-техническую цивилизацію. Западники — послѣдователи того течения европейской мысли, что этому превращенію содѣйствовало и съ восторгомъ принимало его плоды; славянофилы — ученики тѣхъ противниковъ его, что и на Западѣ пытались съ нимъ бороться. Западно-европейское происхождение той и другой идеологій очевидно, но и вполнѣ законно: ихъ борьба только часть той большой борьбы, что велась во всей Европѣ между традиціей XVIII-го вѣка и романтической традиціей. Наличіе ихъ въ Россіи — свидѣтельство ея принадлежности къ Европѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже не къ старой Европѣ, а къ новой, проблематической Европѣ XIX-го столѣтія. Чаадаевъ и ранніе славянофилы въ этомъ отношеніи занимаютъ еще не совсѣмъ отчетливыя идеологическія позиціи (въ частности Западъ Чаадаева — католическая, а не «просвѣщенная» Европа); тѣмъ не менѣе именно съ тридцатыхъ годовъ Россія принимаетъ участіе не просто въ европейской духовной жизни, а въ томъ новомъ, особо потрясенномъ и критическомъ фазисѣ ея, въ который Западъ вступилъ на полвѣка раньше. Пушкинъ, едва-ли не цѣликомъ еще по ту сторону этого перелома. Его гений сродни Рафаэлю, Аріосто, Расину, Вермеру, Моцарту и двумъ послѣднимъ старымъ европейцамъ, Гете и Шендаулю. Онъ весь обращенъ къ старой, до-романтической Европѣ; ему врождены всѣ ея наслѣдія, всѣ памяти, всѣ любви; его основная миссія — сдѣлать ее духовной родиной будущей Россіи. Миссію эту онъ выполнилъ во всю мѣру отпущеннаго ему дара, но срашеніе Россіи съ Западомъ въ единой Европѣ совершилось уже въ новой обстановкѣ, Пушкину чуждой и съ точки зрѣнія которой онъ самъ кажется обращеннымъ не къ будущему, а къ прошлому. Россія завершилась, досоздалась въ грохочущей мастерской девятнадцатаго вѣка.

Девятнадцатый вѣкъ то-же для Россіи, что вѣка Возрожденія для Италіи, что для Испаніи, Англій и Франціи конецъ XVI-го и XVII-й вѣкъ, онъ то-же, что для Германіи время, очерчиваемое приблизительно годами рожденія и смерти Гете. Но если въ исторіи Россіи онъ занимаетъ особое мѣсто, то это совсѣмъ не значитъ, что русскій девятнадцатый вѣкъ есть что-то отъ европейскаго девятнадцатаго вѣка отдѣльное и ему чужое. Въ томъ то и дѣло, что окончательное своеобразие свое въ европейскомъ сложномъ единствѣ Россія получаетъ въ этомъ вѣкѣ, когда сама Европа, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ она была: отнынѣ вростая въ нее, Россія

вростаеть и въ ея распадъ, въ ея трагическую разъятость и бездомность. Отсюда необычайно сложное строеніе нашего «великаго вѣка», какъ по сравненію съ «великими вѣками» другихъ народовъ, такъ и по сравненію съ тѣмъ же столѣтіемъ на Западѣ. Сращеніе съ европейскимъ прошлымъ привело къ расцвѣту русской національной культуры, но сращеніе съ европейскимъ настоящимъ окрасило этотъ расцвѣтъ въ такіе тревожные тона, какіе не были свойственны культурнымъ расцвѣтамъ другихъ европейскихъ націй. Стихійныхъ жизненныхъ силъ, тѣхъ, что сказались, напримѣръ, въ первоначально-земномъ и тѣлесномъ геніи Толстого, въ Россіи прошлаго вѣка было больше, чѣмъ на Западѣ, но и онѣ не остались отдѣльнымъ достояніемъ Россіи, а влились въ общій Западъ и ея европейскій девятнадцатый вѣкъ. Искусство Толстого или Достоевскаго — русское искусство; Достоевскій — русскій, какъ Шекспиръ англичанинъ или какъ Паскаль французъ, но, какъ они, чѣмъ глубже онъ укорененъ въ своей странѣ, тѣмъ глубже прорастаетъ онъ въ Европу. Условія, сдѣлавшія возможными появленіе Шекспира и Паскаля, наступили раньше въ Англии и во Франціи, чѣмъ сходныя условія въ Россіи, гдѣ Достоевскій столько же современникъ Шекспира, какъ и Диккенса, и Паскаля, какъ Бодлера, а Толстой — эпическій поэтъ, второй Гомеръ, соблазненный хитростями отрицательнаго и доказывающаго разсудка. Трудомъ поколѣній отъ Петра до Пушкина вся Европа принадлежитъ Россіи, вся Россія Европѣ; все, что было создано въ Россіи послѣ Пушкина, принадлежитъ европейскому девятнадцатому вѣку.

Русская литература отъ Лермонтова и Гоголя до нашихъ дней вся выросла изъ переворота, произведеннаго европейскимъ романтизмомъ, участвовала въ немъ, его продолжила и ни чѣмъ отъ него не отреклась. Русская музыка больше получила отъ музыки западной, чѣмъ отъ музыки народной; и больше всего связана она съ западной музыкой послѣ Бетховена. Русская живопись, даже та, что въ лицѣ Иванова и Врубеля осталась вѣрна религиозной своей основѣ, возвратиться къ иконописи все же не могла, минуя европейское искусство, и лишь укореняясь въ этомъ искусствѣ, находила форму, одновременно европейскую и свою. Русская философія начинается съ Шеллинга и Гегеля, русская наука — съ западной науки. Даже русская богословская мысль столько же исходитъ изъ собственной восточно-христіанской традиціи, сколько изъ традиціи западной философской и богословской мысли. Дѣло тутъ не въ нашей преимчивости и не въ западномъ засильи, а въ томъ,

что на Западѣ и въ Россіи девятнадцатый вѣкъ — единъ. Пусть не ссылаются на непонятность русской культуры для нѣмцевъ, французовъ или англичанъ: между собой въ былые времена имъ было куда труднѣе объясниться. Еще и сейчасъ елизаветинская драма доступна лишь избраннымъ во Франціи, а французская трагедія скучна для англичанъ; на континентѣ весьма рѣдко читаютъ Мильтона и французы не безъ труда принимаютъ за Данте и Гете. Зато русскіе писатели девятнадцатаго вѣка, если не усваиваются Европой, то лишь по лѣни, по незнанию языка, по нерадіи переводчиковъ: всѣ они плоть отъ ея плоти, всѣ они соприсродны ей, да и нѣтъ въ европейской литературѣ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ болѣе европейскихъ именъ, чѣмъ имена Толстого, ученика Руссо, и Достоевскаго, поклонника французскихъ трагиковъ, Жоржъ Сандъ, Диккенса и Бальзака. Западъ уже не только даетъ намъ свою культуру, но и принимаетъ нашу отъ насъ. Взаимопроницаемость Запада и Россіи, совмѣстимость ихъ, условность и относительность всякаго ихъ противоположенія таковы, что уже во многихъ случаяхъ трудно рѣшить, его-ли собственный забытый даръ возвращаетъ Западу Россія, или нѣчто новое, доселѣ невѣдомое ему зарить. Вѣрнѣе, рѣшать этого нельзя и ненужно. Въ томъ и дѣло, что Ивановъ и Мусоргскій, Достоевскій, Толстой или Соловьевъ — глубоко русскіе люди, но въ такой же точной мѣрѣ и люди Европы. Безъ Европы ихъ бы не было, но не будь ихъ, не будь Россіи, и Европа въ девятнадцатомъ вѣкѣ была бы не тѣмъ, чѣмъ она была. Русская культура вытекаетъ изъ европейской и соединившись съ Западомъ, себя построивъ, возвращается въ все. Россія — только одна изъ европейскихъ странъ, но уже необходимая для Европы, только одна, но уже неотъемлемый голосъ въ полифоніи европейскихъ голосовъ.

«Европа намъ мать, какъ и Россія, вторая мать наша; мы много взяли отъ нея, и опять возьмемъ и не захотимъ быть передъ нею неблагодарными». Это не западникъ сказалъ; это по ту сторону западничества, какъ и славянофильства, на вершинѣ мудрости, на порогѣ смерти пишетъ Достоевскій въ «Дневникѣ писателя». Послѣднее упованіе его — мессіаниззмъ, но мессіаниззмъ въ существѣ своемъ европейскій, вытекающій изъ ощущенія Россіи, какъ нѣкоей лучшей Европы, призванной Европу спасти и обновить. Пусть упованіе это было неоправданнымъ, но люди, хранившіе такую вѣру, не обращались «лишь шомъ къ востоку»; они обращались къ Европѣ, вѣруя, что въ Европѣ возсіяетъ «восточный», т. е. русскій, т. е. обновленно-европейскій свѣтъ. Они еще не знали только, что пророчество

свое, въ мѣру его исполнимости, исполнили они сами. Русско-европейское единство никогда не было съ такой силой утверждено, какъ въ знаменитыхъ словахъ Ивана Карамазова. Европейское кладбище, о которомъ онъ говоритъ, — колыбель новой Россіи, залогъ ея культурнаго существованія. «Дорогіе покойники» потому такъ и дороги, что столько же, какъ Европѣ, они принадлежатъ и намъ. И то, о чемъ Иванъ Карамазовъ еще не говоритъ, чего еще не чувствуетъ Достоевскій, намъ нетрудно теперь почувствовать. Намъ нетрудно понять, что онъ самъ, какъ, въ разной мѣрѣ, всѣ современники его, всѣ русскіе люди его вѣка, не только унаслѣдовали европейскія могилы, но участвовали въ европейскомъ будущемъ, сами были твореніями и творцами европейской культуры, сами говорили отъ имени Европы, того не зная, что дѣломъ ихъ времени, что судьбой девятнадцатаго вѣка было Россію и Европу слить въ одно.

3.

Россія всегда была Европой, никогда не выпадала изъ нея, но лишь въ XIX-мъ вѣкѣ ей было суждено занять въ европейской культурѣ подобающее мѣсто. Суждено-ли ей въ слѣдующемъ вѣкѣ это мѣсто потерять? На этотъ вопросъ нельзя дать прямого отвѣта, и не потому чтобы дѣйствительность, переживаемая нами, не давала достаточно матеріала для него, а потому что въ ея свѣтѣ самый вопросъ становится бессмысленнымъ. Европа, какъ многонаціональное единство, могла и должна была включатьъ въ себя Россію, но распространенная на весь мѣръ безличная, безнаціональная, лишь по своему происхожденію именуемая европейской, цивилизація не можетъ имѣть никакого о с о б а г о отношенія ни къ Россіи, ни къ Европѣ и склонна принимать совершенно одинаковыя формы будь то въ Парижѣ, въ Калькуттѣ, въ Токіо или въ Москвѣ. Поскольку европейская культура уже превратилась въ такую цивилизацію, вопроса о Россіи и Европѣ или Россіи и Западѣ больше не возникаетъ; онъ замѣняется другимъ, гораздо менѣ интереснымъ вопросомъ о томъ, въ какой срокъ эта цивилизація покончитъ съ Россіей, — раньше или позже, чѣмъ, напримѣръ, съ Франціей, или Китаемъ, или Афганистаномъ. Въ томъ, что перерожденіе органическихъ національныхъ культуръ въ безличную научно-техническую цивилизацію дѣйствительно происходитъ, сомнѣваться нельзя, хотя именно поэтому сомнѣнія или еще лучше пожиманія плечами на этотъ счетъ давно уже причислены къ правиламъ вѣжливости и требованіямъ комфор-

та. Происходить оно притомъ, какъ въ парламентарныхъ, такъ и въ тоталитарныхъ странахъ: политическій индивидуализмъ и либерализмъ не способны сопротивляться нейтрализующему и уравнивающему давленію массъ, а политическій націонализмъ, нуждающийся въ сочувствіи такихъ же массъ, не въ силахъ бороться съ культурной денационализацией. Европейскія націи могли, каждая по своему, строить церкви и писать книги, но когда дѣло касается отливанія пушекъ и печатанія газетъ, національные методы приходится рано или поздно замѣнить другими, рассчитанными единственно на то, чтобы набивать мозги или раскраивать черепа наиболѣе совершеннымъ способомъ. — Перерожденіе незакончено, въ этомъ тоже сомнѣнія нѣтъ, и не исключена возможность, что возникнуть силы, которыя съ нимъ сладятъ, но покуда оно происходитъ, да еще въ такомъ ускоренномъ темпѣ, какъ сейчасъ, къ вопросу о мѣстѣ Россіи въ Европѣ нужно, во всякомъ случаѣ, присоединить вопросъ о мѣстѣ Россіи въ разложеніи Европы.

Сближеніе съ Западомъ, какъ будто нѣсколько замедлившееся въ концѣ прошлаго столѣтія, стало еще оживленнѣе и шире къ началу новаго вѣка. Самое главное, впрочемъ, было уже сдѣлано; оставалось воспользоваться плодами бывшихъ трудовъ, сдѣлать завоеванное легкимъ и привычнымъ. Въ послѣдніе годы до войны культурная Россія совершенно естественно чувствовала себя европейскою націей, равноправной съ величайшими изъ западныхъ націй, никакой особой стѣной отъ нихъ не отдѣленной, и какъ разъ потому, ясное чѣмъ когда-либо, ощущала она и свое особое, личное бытіе. Углубленное изученіе прошлаго западной культуры шло параллельно съ углубленіемъ въ собственное прошлое. Никогда еще у насъ такъ усердно не читали и не переводили западныхъ поэтовъ, драматурговъ, романистовъ, но никогда съ такой любовью не склонялись и надъ памятниками старой русской письменности, такъ не цѣнили Державина или протопла Авакума, такъ не боготворили Пушкина, въ то время какъ, преодолевъ самое раздѣленіе Запада и Востока, нарождался русскій гуманизмъ въ лицѣ Анненскаго, Вячеслава Иванова, Ф. Зѣлинскаго. Открытіе новой французской живописи помогло открытію древнерусской иконы, увлеченіе Италіей познанію Новгорода, Владиміра, Москвы, усвоеніе западнаго средневѣковья пониманію древне-русскихъ культурныхъ формъ. Чужое и свое перестали ощущаться, какъ двѣ враждующія силы, онѣ вступили въ сотрудничество, при полномъ сознаніи ихъ различія, но и ихъ родства, ихъ контраста, но и ихъ гармоніи. Споры о Востокѣ

и Западъ затихли или, во всякомъ случаѣ, потеряли свою остроту. Петербургъ снова сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ пересталъ быть съ тридцатыхъ годовъ: неоспоримой духовной столицей страны, — и Москва старалась его отнынѣ превзойти уже не въ русскости, а въ европеизмѣ. Это новое положеніе вещей поддерживалось еще и тѣмъ, что усиленному усвоенію Запада Россіей стало отвѣчать, наконецъ, и гораздо болѣе усердное усвоеніе Россіи Западомъ. Именно въ эти годы Достоевскій и Толстой, Тургеневъ и Чеховъ стали дѣйствующими лицами въ европейской духовной жизни, русская музыка, русскій театръ распространились въ Европѣ и обновили ея музыкальную и театральную жизнь своимъ влияніемъ. Это внѣдреніе Россіи въ западно-европейскій міръ было настолько внутренне-оправданнымъ и закономѣрнымъ, что его не приостановили и не ослабили ни война, ни революція, ни все, что обрушилось съ тѣхъ поръ на Россію и Европу. Россія была сломлена, но отъ этого Пушкинъ не пересталъ быть Пушкинымъ и Толстой Толстымъ, и Европа, поскольку она еще жива, не перестала нуждаться въ томъ, что могла ей дать одна Россія.

Революція, война, какъ и любая внѣшняя по отношенію къ духовной жизни сила, можетъ создать условія, дѣлающія невозможной эту жизнь и тѣмъ самымъ прекратитъ разантіе возникшей изъ нея культуры, но измѣнить направленіе, въ которомъ культура развивалась, она не въ состояніи. Мы не властны не только надъ прошлымъ, но и надъ будущимъ, заложеннымъ въ это прошлое: можно убить зародышъ во чревѣ матери, но убивъ его, нельзя сдѣлать такъ, чтобы онъ былъ зародышемъ птицы, а не человѣка. Государство, враждебное существующей на его территоріи культурѣ, напрасно пытается, какъ въ Германіи и Италіи, ее передѣлать: передѣлка либо ее уничтожить, либо уступить ей внутренней закономѣрности. Совѣтское государство, во время это понявъ, занялось прямымъ истребленіемъ русской культуры, но и тутъ его западные друзья напрасно ожидаютъ отъ него построенія какой-то новой, усовершенствованной культуры: культура не строится, а вырастаетъ, и совершенно неизвѣстно, что именно вырастетъ на совѣтскомъ пастырьѣ. Къ тому же сама совѣтская власть совѣтъ и не помышляетъ ни о какой культурѣ, а заботится лишь — въ той мѣрѣ, въ какой они ей нужны — о такъ называемыхъ благахъ цивилизаціи: грамотѣ (какъ преддверьи политграмоты), электрофикаціи (въ связи съ радіо-пропагандой), техникѣ вообще и военной въ частности, т. е. о вещахъ, никакъ національно не окрашенныхъ, не русскихъ и не европейскихъ, а

универсальных, съ примѣсью известной доли шовинизма, такою же универсальнаго въ своей шаблонности. Все то, что официально культивируется въ совѣтской Россіи — безлично, не имѣетъ отношенія ни къ русской, ни къ европейской культурѣ, какъ таковымъ, и могло бы преподаваться любимымъ двуногимъ на любыхъ пространствахъ земного шара. Рядомъ съ этимъ, тамъ существуютъ жалкіе остатки русской культуры, части европейской, совершенно подобные тѣмъ нѣсколько болѣе обильнымъ ея остаткамъ, что сохранились въ эмиграціи. Противъ нихъ совѣтская власть безсильна, не потому чтобы она не могла ихъ уничтожить, а потому что она не можетъ переѣлать ихъ внутренняго смысла и направленія. Если серьезныхъ переѣмъ въ скоромъ времени не произойдетъ, эмиграція вымретъ, и культура въ Россіи будетъ окончательно раздавлена, однако, въ мѣрѣ духовныхъ цѣнностей русская культура, часть европейской, живетъ и будетъ жить, тогда какъ совѣтской цивилизаціи въ этотъ мѣрѣ нѣтъ доступа.

Все культурно-цѣнное, что обнаружилось въ Россіи за послѣдніе двадцать лѣтъ, какъ и все, что дала зарубежная Россія, непосредственно продолжатъ то движеніе навстрѣчу западной Европѣ, которое такъ оживилось въ послѣдніе годы до войны, отнюдь не въ ущербъ притомъ чертамъ національно-своеобразнымъ. Стихи, поскольку они принадлежатъ настоящимъ поэтамъ, какъ Пастернакъ, а не казеннымъ виршеплетамъ, проза, поскольку она отвѣчаетъ творческому замыслу, а не социальному заказу, живопись и архитектура, музыка и философія, покуда ихъ не свели на уровень утиль-потреба, развились въ прелестнѣе направленіи, хотя и въ условіяхъ, мѣшавшихъ всякому развитію, а затѣмъ, не то что приняли какое-нибудь новое направленіе и новую форму, а просто сошли на нѣтъ. На первыхъ порахъ, искусство захотѣло быть формально-революціоннымъ, что и выразилось въ преувеличенномъ подражаніи самому «передовому» западному искусству, но скоро выяснилось, что революція требуетъ совсѣмъ не этого, а лишь подходящаго сюжета, облеченнаго въ чьи угодно обноски, только попривычнѣй; такіе издѣлія и стали изготовляться, но къ искусству они уже не относятся. То немногое, что еще имѣетъ отношеніе къ нему, должно быть причислено къ старой, европейской, а не совѣтской Россіи, точно такъ же, какъ и дѣятельность переводчиковъ, движущаяся по старому пути начала вѣка, по пути усиленнаго сближенія Россіи съ Западомъ. По тому же пути идетъ и эмиграція, особое положеніе которой позволяеть ей особенно успѣшно содѣйствовать болѣе

глубокому проникновенію Россіи въ Европу, но несеть и новую опасность для нея и для русской культуры, чье сохраненіе — не въ мертвомъ, а въ живомъ видѣ — составляетъ ея главное или вѣрнѣй единственное призваніе. Опасность заключается, конечно, въ потерѣ національнаго лица, путемъ ли вхожденія въ другую европейскую націю, или растворенія въ послѣдней европейскомъ интернаціонализмѣ. До сихъ поръ, однако, культурно-творческая часть эмиграціи этой опасности довольно удачно избѣгала, и если самый выдающійся изъ ея писателей младшаго поколѣнія, Сиринъ, долженъ быть названъ самымъ западнымъ изъ всѣхъ русскихъ писателей со времени Кантемира, если большинство молодыхъ эмигрантскихъ авторовъ въ этомъ отношеніи сходны съ нимъ, то это слѣдуетъ объяснять не утратой русской традиціи, а вполне послѣдовательнымъ продолженіемъ ея новѣйшей дореволюціонной фазы, тѣмъ самымъ, правда, и доведенной до предѣла, который ужъ врядъ ли позволено переступать. Что бы ни случилось дальше, какимъ бы мрачнымъ не представлялось будущее русской культуры, можно сказать съ увѣренностью одно: эмиграція, какъ собственнымъ творчествомъ, досказывающимъ то, чего не успѣла досказать предреволюціонная Россія, такъ и своей работой по внѣдренію Россіи въ Европу, достаточно замѣтной въ области художественной, идейной и даже религіозной, завершаетъ тотъ путь новой русской культуры назадъ въ Европу, который, черезъ сближеніе съ Западомъ, привелъ ее одновременно къ осознанію своего неотъемлемаго мѣста въ европейской культурѣ и своего особаго, русскаго духовнаго бытія. Дѣло Петра, если и рушилось, то не въ той его части, гдѣ оно было доведено до рѣшающихъ успѣховъ Пушкинымъ. Нынѣ отношеніе русской культуры къ Западу можетъ быть проблематично лишь въ частностяхъ, но не въ цѣломъ. Западническо-славянофильскіе споры слѣдовало бы собственно прекратить, тѣмъ болѣе, что какъ разъ ошибки каждой изъ спорящихъ сторонъ теперь, какъ нельзя болѣе наглядно, разоблачены тѣмъ страннымъ положеніемъ, въ какое, по отношенію къ нимъ, попала совѣтская Россія.

Въ самомъ дѣлѣ, если не русской культурѣ, а ей предъявить традиціонный вопросъ о томъ, тяготеетъ ли она къ Западу или къ Востоку, то отвѣтъ ея будетъ противорѣчивымъ, а на первый взглядъ, пожалуй, и безсмысленнымъ. Революція одновременно рванула Россію на Западъ и на Востокъ, слѣлала ее и западнѣй и восточнѣе, чѣмъ прежде: Западники того радикальнаго образа, что выработался еще въ сороковыхъ годахъ, мо-

гутъ быть довольны: всё историческія, природныя, душевныя и вещественныя препятствія, мѣшавшія водворенію въ Россіи любезной имъ, обезличенной, рационально-интернаціональной западной цивилизаціи, нынѣ устранены. Не то, чтобы она тамъ уже и нынѣ процвѣтала, — до этого еще далеко, — но дорога для нея расчищена тѣмъ, что искоренены всё особыя и мѣстныя положительныя цѣнности, противорѣчащія ей универсальнымъ идеаламъ. Правда, къ этимъ идеаламъ принадлежала въ сороковыхъ годахъ, а кое-гдѣ принадлежитъ и по сей день гуманитарно-либеральная мораль, если и равнодушная къ высшей духовной жизни человѣка, то все же требующая для него политической свободы и житейскаго благополучія. Мораль эту совѣтская Россія отрицаетъ; но развѣ не на самомъ Западѣ изъ этой морали родилась и ей пришла на смѣну коммунистическая идеологія, послужившая порокомъ для русскаго взрыва и остающаяся повинѣ послѣднимъ словомъ рационалистической цивилизаціи, не въ области науки и техники, конечно, а въ области религіозно-моральнаго сознанія. Недаромъ современные поклонники этой цивилизаціи на Западѣ (Уэллсъ, Шоу, Романъ Ролланъ) такъ тяготеютъ къ совѣтской Россіи, даже если отдѣльныя ея черты претятъ имъ все еще гуманитарной совѣсти: они готовы многое простить тѣмъ, кто рѣшилъ покончить навсегда съ «отсталой», «суевѣрной», надѣленной какой-то особенной статью и значить враждебной цивилизаціи страной. Все, во что «можно только вѣрить», подлежитъ истребленію для блага человѣчества, а кромѣ того, если на полѣ дѣйствія великаго научно-соціолого-техническаго эксперимента не все обстоитъ благополучно по части морали, даже гуманитарной, то вѣдь новая цивилизація тѣмъ и отличается отъ старой культуры, что духовныя, а значить и моральныя, цѣнности образуютъ въ ней не фундаментъ, а лишь надстройку, фундаментъ же состоитъ изъ лабораторій, тракторовъ, шахтъ, заводовъ, а въ этой области совѣтской Россіи, если не все исполнено, то во всякомъ случаѣ все обѣщано.

Если Западомъ называть, какъ это постоянно и дѣлалось у насъ, не совокупность западно-европейской культуры, а лишь продуктъ ея распада, рационалистическую западную цивилизацію, то совѣтская Россія окажется и впрямь болѣе западной, чѣмъ досовѣтская Россія или чѣмъ остатки русской культуры за рубежомъ. Потомкамъ западниковъ это должно быть приятно, однако и потомки славянофиловъ могутъ кое-чѣмъ утѣшиться. Утрата прибалтійскихъ, литовскихъ и польскихъ земель, переносъ столицы въ Москву, болѣе реализмъ совѣт-

ской политики въ Азіи, нежели въ Европѣ, все это обращаетъ Россію не на западъ, а на востокъ. Въ области чисто-культурной къ этому присоединяется нѣчто болѣе важное: культурная эмансипація кавказскихъ и средне-азиатскихъ народностей, связанная съ общей, если можно такъ выразиться, деруссификаціей Россіи. Политика совѣтской власти въ этомъ вопросѣ за послѣдніе годы измѣнилась, однако многолѣтнее поощреніе всевозможныхъ мѣстныхъ нарѣчій и культурныхъ формъ, въ ущербъ русскому языку и русской культурѣ, бесплоднымъ остаться не могло. Оно усилило культурный сепаратизмъ Украины, создало его въ Бѣлороссіи и повсюду привело къ побѣдамъ этническаго надъ національнымъ, а значитъ, при соотвѣтствующемъ составѣ населенія, и азиатскаго надъ русскимъ, т. е. европейскимъ. Правда, старымъ славянофиламъ все это гораздо меньше пришлось бы по душѣ, чѣмъ ихъ новѣйшимъ потомкамъ, евразійцамъ, связаннымъ, однако, съ предками, какъ смѣшеніемъ національнаго съ народнымъ, такъ и нежеланіемъ счесть русскую культуру частью европейской. Родилось евразійство, безъ сомнѣнія самое плодотворное и живое изъ идейныхъ теченій, возникшихъ въ эмиграціи, не изъ этихъ фактовъ новѣйшей русской исторіи, составляющихъ, независимо отъ того, одобрены они имъ или нѣтъ, скорѣй ироническій комментарий къ его теоріямъ; оно родилось въ сердцахъ и умахъ лучшихъ русскихъ людей, глубоко потрясенныхъ русской катастрофой и неспособныхъ оставаться послѣ нея на старыхъ партійныхъ платформахъ и перебрасываться съ нихъ обветшалыми политическими лозунгами; родилось изъ страстнаго желанія оправдать катастрофу въ свѣтѣ историческаго познанія и исходя отсюда найти въ русской исторіи и въ самомъ существованіи Россіи новый смыслъ. Евразійцы ошибались во многихъ частностяхъ, но многія другія впервые поняли и объяснили; однако заблуждались они и въ основномъ: катастрофу Россіи приняли за внутреннюю катастрофу русской культуры, дефектами или болѣзью этой культуры стремились объяснить русское бѣдствіе. Какъ будто, если деревенская баба заспала ребенка, это значитъ, что ребенокъ былъ немощенъ и хилъ, или самъ повиненъ въ томъ, что спала она слишкомъ крѣпко. Русская культура не болѣла Западомъ, а лишь вернувшись въ Европу и съ нимъ воссоединясь, обрѣла свое настоящее здоровье. Больна не русская культура, а Россія — отсутствіемъ, изгнаніемъ культуры —, и ужъ конечно ни Турксибъ, ни этническое азіатство, ни союзъ съ Китаемъ, какъ и ни индустриализація и

ни погоня за европейско-американскимъ штампомъ и стандартомъ, отъ этой болѣзни ее не вылѣчать.

Въ Россіи сейчасъ нѣтъ или почти нѣтъ — въ культурномъ смыслѣ этихъ словъ — ни Россіи, ни Европы, а есть Западъ и Азія въ нѣкоемъ союзѣ, нисколько даже не исключительномъ, ибо индустриально-техническая западная цивилизація можетъ существовать гдѣ угодно и использовать любой человѣческій матеріалъ. Если союзъ продлится, русская культура, пребывая въ лонѣ европейской, отойдетъ въ духовное бытіе, и никто не скажетъ, что жемчужина больна, даже тотъ, кто способенъ восторгаться здоровьемъ устрицы, уже не родящей жемчуга. Если же рухнетъ союзъ и Россія станетъ вновь матерью культуры, то русской эта культура заслужитъ называться лишь будучи европейской и сдѣлавъ снова своимъ живымъ сердцемъ ту жемчужину, что не сегодня, завтра мы можемъ выронить изъ ослабѣвшихъ рукъ.

В. Вейдле.